

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

И. А. Буровихина

СУБЪЕКТИВНАЯ КАРТИНА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

В статье приводятся результаты эмпирического изучения субъективной картины жизненного пути современных подростков, базирующейся на представлениях о важных событиях прожитой жизни и предполагаемых значимых датах будущего. Анализируются данные выполнения теста «Твоя линия жизни» А. Кроника учащимися 6—11-х классов общеобразовательных школ (N=390). Показано, что представления подростков о значимых событиях прошлого и будущего имеют возрастную специфику и особую эмоциональную окраску, а их актуализация обнаруживает закономерности воспроизведения событий культурного сценария жизни и уникальных значимых ситуаций, отличающихся выраженной смысловой насыщенностью. Особое место в целостном представлении о будущем занимает образ своей будущей семьи, создание которой воспринимается современными подростками как важный и необходимый этап взросления.

Ключевые слова: субъективная картина жизненного пути, значимые события, автобиографические воспоминания, представления о будущем, задачи развития, отрочество, образ семьи.

The article presents results of the empirical study of the subjective life picture of contemporary teenagers, based on different milestones, represented in autobiographical memories or in the image of the future. In the empirical study using A. Kronik's "Life Line" on the sample of 390 senior high school students the age-related differences between autobiographical memories and image of the future, specific emotional attitudes towards them, cultural specific and individual configuration of the memories and of the image of the future are shown. The image of the family takes a significant place in the image of the future of contemporary teenagers.

Key words: subjective life picture, significant life events, autobiographical memories, an image of the future, developmental tasks, adolescence, an image of the family.

Буровихина Ирина Александровна — аспирантка кафедры возрастной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* burovikhina@gmail.com

Работа выполнена под руководством канд. психол. наук А.Г. Лидерса.

В последние десятилетия в психологии интенсивно изучаются вопросы переживания временной перспективы, осмысления человеком своего индивидуального жизненного пути (Головаха, Кроник, 2008), целостное представление о котором формулируется как одна из задач развития в подростковом возрасте (Крайг, 1999). Чтобы более глубоко понять, как современный подросток строит время собственной жизни и каковы особенности его субъективной картины жизненного пути, мы провели эмпирическое исследование.

Цели исследования: выявление особенностей автобиографических воспоминаний подростков и их представлений о значимых событиях предстоящей жизни, а также определение гендерной и возрастной вариативности образа прошлого и образа будущего, формирующихся в отрочестве.

Субъективная картина жизненного пути изучалась с помощью теста «Твоя линия жизни» А. Кроника в его бланковом варианте (Лидерс, 2006). Выполнение теста предполагает размещение на временной оси жизни важных моментов прошлого и предполагаемых узловых событий будущего, при этом содержательность и подробность их описания респондент определяет самостоятельно.

Выборка. В исследовании принимали участие 390 учеников 6—11-х классов общеобразовательных школ г. Королева Моск. обл.: 199 девочек и 191 мальчик в возрасте 11—17 лет. Для проведения возрастных сравнений респонденты были разделены на две подгруппы: младшие подростки — Мп (203 ученика 6—8-х классов) и старшие подростки — Сп (187 учеников 9—11-х классов). Группы выделялись в соответствии с предложенным К.М. Гуревичем социально-психологическим нормативом, дифференцируемым в образовательно-возрастных границах (Гуревич, Борисова, 2000; Гуревич, Горбачева, 1992).

Обработка. Для анализа дихотомичных признаков проводился расчет 4-клеточного фи-коэффициента корреляции Гилфорда, для выявления различий в уровне исследуемого признака производилась оценка значимости различий по критерию Манна—Уитни, а сопоставление двух процентных долей выборок по частоте встречаемости определенного признака осуществлялось при расчете углового преобразования Фишера. Качественный анализ реализовался с помощью методов экспертной оценки (при выделении категорий событий) и контент-анализа.

Анализ результатов

Предварительный анализ протоколов. Из 390 собранных нами протоколов 105 (60 от Мп и 45 от Сп) оказались пустыми: указав свои анкетные данные и ознакомившись с инструкцией к тесту, респонденты не стали его выполнять. Мы предполагаем, что отказ от выполнения методики может быть обусловлен отсутствием рефлексии как попытки осмыслить

временную перспективу своей жизни. Количественный анализ долей Мп и Сп, затруднившихся выполнить тест, не позволяет выявить значимую связь на уровне ошибки $p < 0.05$ ($\chi^2_{\text{эмп}} = 1.24 < \chi^2_{\text{кр}} = 3.84$) между возрастом респондента и его готовностью (способностью, желанием) представить себе свой жизненный путь и назвать самые важные события своего прошлого и будущего.

Для проведения дальнейшего анализа результатов мы использовали только заполненные бланки теста: 143 «линии жизни» Мп и 142 — Сп. Варианты фрагментарного заполнения «линий жизни» — когда полностью отсутствует или упоминание о значимых событиях прошлого (40 респондентов), или перечисление предстоящих важных событий (26 респондентов) встречались редко. Анализ их возрастной отнесенности показал, что Сп чаще, чем Мп, избегают повествования о минувших важных датах своей жизни ($\chi^2_{\text{эмп}} = 7.58 > \chi^2_{\text{кр}} = 6.63$, $p \leq 0.01$), что может быть объяснено как поглощенность старшеклассников обдумыванием дальних перспектив и построением жизненных планов, выступающих для них более интересным и значимым объектом для размышлений, чем минувшие события, которые, возможно, не осмысливаются ими как ценный жизненный опыт. Также интересно, что устойчиво преобладающим стилем рисования «линии жизни» на листе бумаги оказывается ее проведение от нижней границы листа вверх (обратно принятому способу заполнения листа сверху вниз), предпочитаемое более чем 60% респондентов ($\phi^*_{\text{эмп}} = 3.82 > \phi^*_{\text{кр}} = 2.31$, $p \leq 0.01$).

Представления о прошлом в субъективной картине жизненного пути

1. Событийная насыщенность этапов прожитой жизни. В анализе субъективной картины прожитой жизни мы рассматривали 812 автобиографических воспоминаний, полученных от 245 респондентов. Описывая прошлое, подростки чаще всего называют не более 4 важных событий (преимущественно 3), перечисление 6 и более узловых моментов характерно лишь для 10% респондентов, указания на 11 и 12 дат единичны и встречаются только у Мп. Значимой разницы в событийной насыщенности прошлого между возрастными подгруппами обнаружено не было, как и не было найдено сдвига в субъективной оценке длительности прожитой жизни, которую по инструкции респондент должен был выразить в соответствующей длине отрезка на временной оси жизни. Таким образом, опираясь на приведенные данные, мы не можем подтвердить исследовательское предположение о том, что Мп более сосредоточены на обдумывании пройденного жизненного пути и чаще стремятся погружаться в автобиографический анализ и оценивать прожитый отрезок жизни как более наполненный и яркий по сравнению с открывающимися перед ними перспективами будущего.

Традиционно мало значимых событий упоминается в младенческом (до 1 года) и раннем (до 3 лет) возрастах, что подтверждает результаты предыдущих исследований (Головаха, Кроник, 1985; Rubin et al., 1998) и наглядно иллюстрирует «эффект детской амнезии». При этом наиболее памятными для подростков являются 7-летний возраст (начало обучения в школе) и период жизни, непосредственно предшествовавший исследованию, недавний: 12—13 лет для Мп и 14—15 лет — для Сп. Хранимые в оперативной автобиографической памяти (Rubin et al., 1998), эти воспоминания обладают большей детализированностью и легче актуализируются по сравнению с воспоминаниями о более ранних периодах жизни. Кроме этого «сгущение» в 15-летию переломных событий прошлого у Сп может быть обусловлено так называемым эффектом «пика воспоминаний» (Нуркова и др., 2005), начало которого приходится на старший подростковый возраст (Rubin et al., 1998). Так, в нашем исследовании эффект «пика», при котором на 15-летний возраст приходится больше воспоминаний, чем в среднем на любой другой временной интервал прошлого, был отчетливо выражен у 9% респондентов, и можно предположить, что регистрация «пика» была бы более частой при применении специальной мотивирующей инструкции, использованной в работах датских коллег.

2. Представленность жизненных сфер в образе прошлого. При качественном анализе всех 812 воспоминаний мы, во-первых, определяли эмоциональный знак каждого события. Это происходило в тех случаях, когда эксперты могли однозначно отнести событие к позитивно окрашенным («появился настоящий друг», «влюбилась», «празднование моего Дня рождения») или к окрашенным негативно («умер папа», «попал в милицию», «поссорился с любимой девушкой»). В некоторых случаях эмоциональный фон события оценивался как нейтральный или не оценивался вовсе (например, «пошел в школу», «переехали жить в другой город»); во-вторых, выделяли категории событий и относили их к основным жизненным сферам подростков; в-третьих, анализировали отношения значимости с другими людьми в истории прошлого.

Так, нами было выделено 60 категорий событий, относящихся к 7 жизненным сферам подростков: «Внутренний мир и развитие самосознания» (9 категорий), «Личный выбор и личная жизнь» (15), «Внешкольная деятельность» (6), «Отношения со сверстниками» (8), «Раннее детство» (4), «Родительская семья» (11), «Школа, учеба» (7 категорий). То, что жизненная сфера «Школа, учеба» относительно мало дифференцирована по сравнению с другими сферами, вызвано, на наш взгляд, закономерным для подросткового возраста снижением интереса к учебе и возрастающим стремлением реализовать свои потребности в самовыражении и самоопределении в общественно-полезной деятельности (Фельдштейн, 1989). Учение представлено в

индивидуальной картине прошлого преимущественно через типичные события, заданные культурным сценарием жизни («пошел в школу», «перешел в 10-й класс»). Закономерна и ожидаема вариативность сфер «Внутренний мир» и «Личная жизнь», в которых перечислены наиболее интересные для исследовательского анализа события, индивидуализирующие жизненный путь и делающие его неповторимым, свободным от присвоенных культурных стереотипов. Наибольшей событийной насыщенностью по сравнению с остальными отличаются сферы «Личный выбор и личная жизнь» (25% названных респондентами событий), а также «Родительская семья» и «Отношения со сверстниками» (по 15% всех автобиографических воспоминаний), причем такие события, как «приобретение новых друзей» и «начало посещения кружков и спортивных секций», значимо чаще упоминались респондентами в качестве «повторяющихся» важных моментов прошлого, т.е. таких, с которыми было связано более 50% всех воспоминаний. Эти данные подчеркивают важность товарищеских отношений для подростков, указывают на возрастающую потребность в дружбе со сверстником, особую значимость внутрисемейных взаимоотношений и осознания возможностей и ограничений личного выбора в решении специфичных для возраста задач развития.

Как у Сп, так и у Мп ($\chi^2_{\text{эмп}}=0.45 < \chi^2_{\text{кр}}=3.84$) воспоминания, связанные с эмоциональным переживанием внутренней жизни, открытием своего внутреннего мира и отдельными этапами становления самосознания, встречались редко (только 5% от общего количества воспоминаний). Это может быть обусловлено бедностью словаря личностной лексики или превалированием потребности размышлять об отношениях с окружающими над интересом к себе и потребностью в знании собственных особенностей.

3. Наиболее часто упоминаемые события прошлого. К наиболее часто воспроизводимым относятся следующие события. Так, 50% всех подростков в качестве значимого события прошлого назвали «начало обучения в школе», а такие события, как «первая любовь», «начало посещения кружков по интересам и появление хобби, личных увлечений», «приобретение новых друзей», «значительные личные достижения во внешкольной деятельности», «яркие праздники, торжества», «рождение младшего брата или сестры» встречаются в 20% от общего числа протоколов. Наиболее редко воспроизводились события трагические, негативные или тревожащие: «смерть близкого друга», «конфликт с учителем», «ухудшение взаимоотношений с родителями», «экзамены в школе». Отметим, что только 20 из упоминавшихся важных событий прошлого полностью совпадают с перечисленными в известной методике «Лист жизненных событий подростков — ЛИЖИСП» (Подольский и др., 2004), имеющей аналогичную инструкцию. Еще 6 событий частично совпали с названными коллегами, а 34 оказались совершенно

новыми. Интересно, что на «линию жизни» респондентами нашего исследования наносились преимущественно позитивные, радостные ситуации, доля которых в общем количестве составляет 64% и значимо превышает долю негативных, трагических моментов времени ($\varphi^*_{\text{эмп}}=7.07 > \varphi^*_{\text{кр}}=2.31$, $p \leq 0.01$), а ЛИЖИСП выявляет прежде всего тревожащие или печальные события, что и позволило использовать эту методику для диагностики подростковой депрессивности. В нашем исследовании доля респондентов, в чьих ретроспективах количество негативно окрашенных ситуаций превышало количество позитивных событий, составляет только 11%, что позволяет с уверенностью сделать следующий вывод: осмысляя свое прошлое, подростки опираются на радостные события и именно их считают решающими в реализации индивидуального жизненного пути ($\varphi^*_{\text{эмп}}=3.82 > \varphi^*_{\text{кр}}=2.31$, $p \leq 0.01$). При этом тревожные события, утраты, которые наверняка приходилось переживать каждому человеку хотя бы однажды до достижения подросткового возраста, вытесняются из сознания и не претендуют на роль переломных моментов судьбы в картине мира подавляющего большинства подростков. Так, 73% подростков описывают свое прошлое без единого упоминания об омрачающих его событиях, представляя картину ровного, радостного, успешно пройденного жизненного пути. Это заставляет задуматься над тем, каково соотношение понятий «важное, значимое событие» и «яркое, запомнившееся событие» в образе мира подростков. Имеет ли место полное совпадение этих понятий; или своеобразная иерархия, построенная по принципу «важно то, что запомнилось»; или четкое их разведение, когда насыщенность, яркость события, его след в непроизвольной автобиографической памяти не отождествляется с тем личностным смыслом, который подросток может придать ему в рефлексивной работе над построением жизненной ретроспективы.

4. Представленность значимых Других в образе прошлого. Контент-анализ автобиографических воспоминаний также позволил выделить 19 значимых лиц, упоминавшихся подростками в повествовании о своем прошлом. Интересно, что 51% респондентов ни разу не упомянули каких-либо «значимых Других», участвовавших в их прошлом, несмотря на то, что истории жизни этих респондентов не менее дифференцированы и содержательны, чем истории их сверстников, указавших на важную роль других людей в их развитии и становлении (достоверных межгрупповых различий в событийной насыщенности прошлого не обнаружено). При этом 25% подростков из числа отметивших влияние других лиц признали эпизоды соучастия других в своем прошлом самыми важными событиями на «линии жизни» и не назвали ни одного своего поступка или события, не связанного с жизнью других людей. Среди «других лиц» наиболее часто упоминались «друзья, лучшая подруга/лучший друг» (в 50% протоколов), а также «любимый человек/

любимая девушка», «брат/сестра», «родители», «бабушка/дедушка» (в 25% протоколов). Указания на каких-либо иных социальных взрослых, не входящих в близкий семейный круг (учителей, соседей, тренеров, вожатых в лагере, кумиров), или сверстников, с которыми не установлены приятельские отношения (одноклассники, ребята со двора, случайные знакомые), присутствуют не более чем в 5% протоколов.

Сравнение возрастных подгрупп выявило достоверное преобладание упоминаний о друзьях и связанных с ними важных событиях у Сп ($\chi^2_{\text{эмп}}=6.61 > \chi^2_{\text{кр}}=3.84$, $p \leq 0.05$), что, на наш взгляд, вызвано потребностью в эмоциональном контакте со сверстником, тягой к дружбе, стремлением сформировать доверительные дружеские отношения, характерные для старшеклассников (Кон, 1989). Интересно, что среди подростков, упомянувших значимых лиц, достоверно преобладают девочки ($\varphi^*_{\text{эмп}}=4.3 > \varphi^*_{\text{кр}}=2.31$, $p \leq 0.01$), тогда как мальчики чаще указывают на личные поступки, самостоятельные действия или ситуации, развитие которых не зависело от участия других людей. При этом значимых различий между мальчиками и девочками в упоминании возлюбленных ($\chi^2_{\text{эмп}}=0.07 < \chi^2_{\text{кр}}=3.84$), сиблингов ($\chi^2_{\text{эмп}}=0.02 < \chi^2_{\text{кр}}=3.84$), родителей ($\chi^2_{\text{эмп}}=3.32 < \chi^2_{\text{кр}}=3.84$) и прародителей ($\chi^2_{\text{эмп}}=1.37 < \chi^2_{\text{кр}}=3.84$) не найдено. Однако если эти значимые лица упоминаются мальчиками и девочками с одинаковой частотой, то указание на важное влияние отца на ход прожитой жизни полностью отсутствует у девочек и встречается только у мальчиков при упоминании о распаде семьи. При этом мальчики подчеркивают именно уход отца («отец бросил семью», «от нас ушел папа»), а девочки описывают разрыв семейных отношений («родители разошлись», «развод родителей»), не указывая на особую роль и ответственность одного из родителей.

5. Анализ отдельных возрастных стадий прошлого. Рассмотрим, посредством каких событий представлены в сознании подростков различные возрастные периоды их прошлого. Среди редких упоминаний о раннем детстве преобладают события, которые забыты человеком в соответствии с закономерностями развития памяти как высшей психической функции — «научился самостоятельно стоять», «начал ходить», «появились первые слова». Отражающие нормативные этапы развития ребенка, они «беспристрастны», «всеобщие» и не позволяют понять своеобразность пройденного пути, выделить поворотные моменты личного прошлого. Среди событий дошкольного детства преобладает «начало посещения детского сада». Младший школьный возраст представлен в основном через открывающее его событие — «начало обучения в школе», а временной промежуток с 8 и до 11 лет отражен скупо, зато в его описании начинают все чаще встречаться особые события, повлиявшие на всю дальнейшую жизнь конкретного подростка. Подростковый возраст превосходит по своей событийной насыщенности остальные и представлен в ситуациях, связанных с

удачными или неудачными попытками реализовать ведущие потребности возраста в дружбе, переживании единения со сверстниками, формировании целостного и непротиворечивого представления о себе и своем месте в мире. Именно в анализе подросткового возраста мы встречаем большое разнообразие «непредписанных» событий, не связанных с культурными стереотипами взросления. Но при этом часто встречающиеся события имеют четкие временные рамки. Так «приобретение новых друзей», «знакомство с лучшим другом» случается в 12 лет ($M=11.8$, $\sigma=1.3$), а первое переживание чувства любви приходится на 14 лет ($M=13.6$, $\sigma=1.8$). Переживание расширения границ собственной свободы, ощущение себя самостоятельным отмечают только Сп как значимое событие 16-летнего возраста. Сексуальный дебют, указание на который встречается, напротив, только у Мп, датируется 13 или 14 годами. Столь ранняя сексуальная инициация, как и указание на факт этого при выполнении психологического теста, на наш взгляд, подчеркивает особую значимость интимных отношений для подростков и наглядно иллюстрирует либерализацию половой морали, являющуюся универсальной тенденцией современного общества (Кон, 2009). Раннее вовлечение как девочек, так и мальчиков в сексуальность также может быть следствием желания самоутвердиться и получить «важнейшее доказательство вожеленной зрелости» (Кон, 1966).

6. Представления о прошлом в субъективной картине жизненного пути: итог. Ключевые моменты прожитой жизни представлены в сознании подростков через 3—4 важных события; склонность погружаться в размышления о них более характерна для Мп. Представления о прошлом преимущественно имеют позитивную окраску и редко включают в себя единичные трагические или тревожащие события. В описании важных событий преобладают ситуации, связанные с отношениями в родительской семье, этапами развития дружеских отношений и эмоциональных контактов со сверстниками, а также примеры личных поступков, совершенных в соответствии с самостоятельным выбором. Последние воспроизводятся в многообразии деталей и оттенков, делающих их уникальными, а жизненный путь, в который они включены, неповторимым. В анализе жизненных ретроспектив трудно проследить их гендерную вариативность и выделить воспоминания, специфичные для девочек и для мальчиков, или особые картины прошлого, характерные для тех и других. В описании важных моментов прошлого подростки в одинаковой степени склонны указывать как на важную роль других людей (прежде всего, друзей, любимого человека и членов семьи), повлиявших на ход жизни, так и на полное отсутствие значимого участия других. Наибольшей событийной насыщенностью в представлениях о прошлом отличаются младший школьный возраст (ввиду частого упоминания

«начала обучения в школе» в качестве одного из ключевых моментов прошлого), а также подростковый возраст, с одной стороны, запечатленный в оперативной автобиографической памяти личности, а с другой — наполненный важными, значимыми и дорогими для подростков воспоминаниями и пройденный по пути, отличному от культурного сценария взросления.

Представления о будущем в субъективной картине жизненного пути

1. Основные закономерности отражения будущей временной перспективы. Анализируя представления о предстоящих значимых событиях жизни, мы опирались на 1450 повествований 260 респондентов. Отметим, что полученные описания будущего более детализированы, содержательны и подробны, чем описания прошлого ($U_{эмп}=17608$, $p=0.00$). Так, в повествовании о будущем подростки называют в среднем 5 и более событий; 3 и менее — только 25% респондентов; 11 и более предполагаемых знаменательных дат называют 10%; максимальной насыщенности будущее достигает на «линиях жизни» 3 респондентов, каждый из которых описал по 17 важных событий своей молодости, зрелости и старости. По-видимому, для подростков размышления о течении открывающейся жизни более привлекательны и субъективно важны, чем анализ прожитого. При этом у Мп событийная насыщенность будущего ($U_{эмп}=6768$, $p\leq 0.01$), как и его субъективная длительность ($U_{эмп}=5519$, $p\leq 0.01$) оказываются более выраженными, чем у Сп, и это не позволяет подтвердить исследовательское предположение о том, что стремление подростков сосредоточиваться на осмыслении будущих целей и дальних жизненных перспектив по мере взросления растет. Напротив, в прорисовке «линий жизни» Сп давали более краткие ответы, тогда как Мп представили более полный и содержательный анализ как прошлого, так и будущего. Это может быть следствием того, что Мп более непосредственны и открыты в выполнении методики, тогда как Сп имеют выраженную потребность скрывать свои переживания, ограждать свой внутренний мир от посторонних взглядов и поддерживать предельную избирательность в общении.

2. Событийная насыщенность отдельных возрастных этапов будущего. Наиболее ясным в представлениях подростков оказывается такой возрастной этап будущего, как молодость (19—30 лет). К нему относятся 50% всех названных значимых событий предстоящей жизни. Редки и буквально единичны попытки респондентов представить важные даты пожилого и старческого возрастов (60 лет и старше), что может быть вызвано разными причинами, среди которых: недостаточное внимание к старости как этапу человеческой жизни, демонстрируемое в современном обществе (Крайг, 1999); нежелание подростков задумываться об окончании жизненного пути, которому

старость непосредственно предшествует; скудость представлений подростков о сущности старения и особенностях геронтогенеза. Интересно, что завершающий этап жизненного пути — смерть — и вовсе отсутствует в подавляющем большинстве (86%) протоколов: жизненный путь почти всегда остается незавершенным ($\varphi^*_{\text{эмп}}=7.3 > \varphi^*_{\text{кр}}=2.31, p \leq 0.01$), но если предполагаемый возраст кончины все-таки называется, то в половине случаев он оказывается нереалистичным (превышает 100, иногда и 150 лет), а в другой половине ограничивается 69 годами. По-видимому, подростки защищают себя от нередко болезненного осознания факта конечности собственной жизни, предпочитая упоминать в качестве последнего важного события жизненного пути выход на пенсию.

Представленность в образе будущего юности и зрелости отличается примерно одинаковой степенью ясности и детализированности: на каждый из этих возрастных периодов приходится по 25% из всех перечисленных важных дат. Наиболее часто называемые возраста: 18-летие — за счет распространенного упоминания о поступлении в вуз как поворотном событии юности, и 25-летие — предпочитаемый возраст вступления в брак. Среди «значимых Других» будущего преимущественно фигурируют собственные дети (более чем у 60% респондентов), значительно реже супруги (9% респондентов). Часты варианты повествования о своем будущем как о цепочке личных поступков, самостоятельных действий или ярких внутренних переживаний, не связанных с участием других людей.

3. Представленность жизненных сфер в образе будущего. При качественном анализе жизненных перспектив было выделено тоже 60 категорий событий, но по своему содержанию наполнению они отличались от категорий прошлого. Наиболее детализированными оказались такие жизненные сферы, как «Семья» (16 категорий) и «Внутренний мир и развитие самосознания» (9 категорий). Наименее детализированными — сферы, связанные с профессиональным становлением и развитием, а также с учебой в школе (для нее осталось обоснованно мало места на временной оси будущего). Интересно следующее: если в анализе прошлого детализированность жизненных сфер обуславливалась наличием большого количества уникальных, индивидуализирующих жизненный путь событий, то в анализе будущего она основывается на перечислении разнообразных, но при этом типичных (культурно заданных) этапов взросления. Указания на даты, не входящие в «предписанный» жизненный сценарий, редки и единичны. Таким образом, представления современных подростков о прошлом более вариативны и представляют собой множество траекторий индивидуального жизненного пути, тогда как видение будущего есть не что иное, как обобщенное представление об «обычных», закономерных этапах жизни каждого человека. Среди наиболее часто упоминаемых событий будущего: «вступление в брак»

(75% респондентов), «рождение ребенка» (70%), «поступление в вуз» (50%) и «начало трудовой деятельности» (50% респондентов).

Как и в представлениях о прошлом, в образе будущего преобладает позитивная эмоциональная составляющая, в которой преимущественно перечисляются радостные события, а указания на неизбежные негативные этапы взросления и старения (смерть родителей, утрата близких и друзей) единичны и встречаются менее чем у 1% респондентов. Таким образом, можно с уверенностью заключить, что образ будущего современных подростков отличает уверенная настроенность на гладкое, беспрепятственное, ничем не омраченное течение собственной жизни по типичному для современного общества руслу. Будущее видится включающим преимущественно социальные перспективы, тогда как личные остаются скрытыми, неясными, слабо различимыми ввиду несформированности устойчивого самосознания и стабильного образа «Я», которые станут новообразованиями юношеского возраста (Сапогова, 2005). Как следствие, предсказуемы и понятны результаты содержательного анализа целостных жизненных сценариев: в юности — поступить в вуз; в молодости — начать трудовую деятельность и вступить в брак, обзавестись детьми; в зрелости — завершить карьеру и выйти на пенсию (значительно реже — добиться успехов в выбранной сфере деятельности); в старости — непонятно что (иногда — отдых от жизни).

4. Гендерная вариативность представлений о будущем. Интересно, что девочки указывают значительно больше фактов будущей семейной жизни ($U_{эмп} = 4996$, $p = 0.00$), и предпочитают строить представления о ней в соответствии со стадиями жизни своей семьи: у 35% девочек каждое второе названное событие связано с семьей, а 10% респонденток не видят в своем будущем иных, кроме семьи, сфер реализации себя. Тогда как у мальчиков преобладает тенденция формировать перспективу жизни вне связи с семейными событиями (36% респондентов) или указывать среди значимых не более трети явлений, имеющих отношение к семье (43%). Описывая свое будущее, мальчики зачастую упоминают только «вступление в брак» и реже «рождение ребенка», тогда как ответы девочек содержат частые указания на знаменательные даты супружеской жизни, на необходимость взять на себя заботу о стареющих родителях и на различные позитивные изменения в жизни будущих детей, внуков и даже правнуков. Отметим, что в описании конкретики отдельно взятых «семейных» событий (указания на возраст вступления в брак, предполагаемое количество детей и др.) девочки и мальчики одинаково точны, и это, на наш взгляд, указывает на то, что гендерная вариативность образа семьи отражается прежде всего в его базовых, глобальных характеристиках.

Описывая возраст вступления в первый брак, и мальчики (34%), и девочки (30%) в качестве предпочтительного называют 25 лет. При

этом 60% девочек указывают на готовность создать брачный союз и раньше (18—24 года), тогда как 33% мальчиков привлекает перспектива создать семью в более зрелом возрасте (27—40 лет). Возраст вступления в первый брак, превышающий 28 лет, вообще не упоминается девочками, а поиск различий в уровне исследуемого признака с достоверностью позволяет заключить, что возраст создания семейного союза у девочек значимо снижен по сравнению с таковым у мальчиков ($U_{\text{эмп}}=2357.5$, $p=0.00$). Также в ответах мальчиков значительно реже ($\chi^2_{\text{эмп}}=27.1 > \chi^2_{\text{кр}}=6.63$, $p=0.01$) за созданием брака следует и рождение в нем детей, упоминание о которых встречается только в половине начерченных ими «линий жизни». Мальчики, указывающие на появление ребенка как на важное событие будущего, описывают и предпочтительное время рождения первенца, которое полностью совпадает с таковым у девочек и приходится на первые 2 года супружества. Наименее привлекательным является увеличение бездетного периода супружеских отношений до 4 лет и более. Сравнение числа детей, родителями которых по собственному предположению станут респонденты, не выявило значимых гендерных различий: 55% девочек и 75% мальчиков указывают на готовность иметь в будущем не менее 2 детей. При этом наиболее предпочтительным интервалом между рождением детей считается 3—4 года, наименее привлекательным — 6 лет.

5. Представления о будущем в субъективной картине жизненного пути: итог. Перспектива жизни представлена в сознании подростков через 5 и более значимых событий будущего, являющихся основными этапами культурного сценария взросления в современном обществе. Понимание будущей жизни как уникальной, неповторимой, осуществленной по особому, самостоятельно созданному сценарию, встречается редко. Такое понимание станет одной из задач развития в юношеском возрасте. Представления подростков о будущем имеют позитивную окраску и включают в себя в основном ситуации, связанные с созданием и развитием семейных отношений. Наибольшей событийной насыщенностью по сравнению с другими возрастными на временной оси будущего отличается молодость. Она вбирает в себя наиболее часто упоминаемые значимые этапы жизненного пути — вступление в брак и рождение детей.

* * *

Таким образом, можно прийти к выводу, что в субъективной картине жизненного пути современных подростков наибольшей детализированностью отличаются представления о будущем, тогда как воспоминания о прожитой жизни менее содержательны, однако более вариативны, и включают в себя много уникальных событий. Как в образе прошлого, так и в образе будущего преобладают события, связанные с семейной

жизнью (в родительской или в самостоятельно созданной семье). При этом если индивидуальные траектории прошлого не поддаются типологизации, то в образе будущего девочки связывают течение судьбы с изменениями, которые произойдут в их семьях, а мальчики — с событиями профессиональной жизни или внутренними переживаниями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время наших читателей // Знание — сила. 1985. № 2. С. 44—46.
- Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. М., 2008.
- Гуревич К.М., Борисова Е.М.* Психологическая диагностика. М., 2000.
- Гуревич К.М., Горбачева Е.И.* Умственное развитие школьников: критерии и нормативы. М., 1992.
- Кон И.С.* Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика. 1966. № 12. С. 64—77.
- Кон И.С.* Психология ранней юности. М., 1989.
- Кон И.С.* Мальчик — отец мужчины. М., 2009.
- Крайг Г.* Психология развития. СПб., 1999.
- Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи. М., 2006.
- Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В.* Автобиографическая память: «сгущения» в субъективной картине прошлого // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 2. С. 22—32.
- Подольский А.И., Идобаева О.А., Хейманс П.* Диагностика подростковой депрессивности: теория и практика. СПб., 2004.
- Сапогова Е.Е.* Психология развития человека. М., 2005.
- Фельдштейн Д.И.* Психология развития личности в онтогенезе. М., 1989.
- Rubin D.C., Wetzler S.E., Nebes R.D.* Autobiographical memory across the adult lifespan // Autobiographical memory / Ed. by D.C. Rubin. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 202—221.

Поступила в редакцию
10.06.11